
ПОЛЕССКАЯ КАРТОТЕКА
ЛЕСНАЯ МЕЖА
Дело № 5
Никита Соколов

Никита Соколов
Лесная межа

https://litres.ru/74735777
SelfPub; 2026

Аннотация

Никита Соколов, бывший следователь, а ныне архивист, привык платить по счетам древних сил. Но он не подозревал, что однажды этой платой станет само время.

Приняв долг семьи Крупени, Никита становится владельцем лесного хозяйства в Староборье. Вырубка леса — не просто бизнес. Должники ищут древнюю «межу», на которой спрятан залог, дающий власть над лесом. Но лес требует свою цену за вход. И цена эта — время. Никита теряет дни, просыпается в незнакомых местах и читает в блокноте записи, которых не делал.

До весны остаётся всё меньше дней. Чтобы остановить контору нотариуса Ровного, Никите придётся собрать союзников среди тех, кого контора считает сломленными: лесничего, потерявшего двадцать дней жизни; участкового, который не помнит собственных приказов; и клерка Павла, двадцать четыре года подписывающего чужие бумаги.

Но главный козырь против конторы — это подпись самого Никиты, поставленная в 1998 году. И чтобы использовать её, ему придётся вернуться туда, где всё началось.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 17
Глава 3 26
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Никита Соколов
Лесная межа

Глава 1

Ноябрьская темнота встала за окнами читального зала в пятом часу и к вечеру стала плотной. В зале горела одна лампа, на столе дежурного архивиста. Остальные выключатели Никита не трогал: экономили на электричестве, да и смотреть в зале было не на что.

Он сидел над запросом уже полчаса. Бумага пришла днём, с курьером, в конверте без обратного адреса, но обратный адрес на ней и не требовался. Вверху листа стоял бланк нотариальной конторы Э. Ровного, ниже шёл текст: просьба предоставить заверенную копию межевой книги 1911 года на лесной массив Староборье с приложением плана участка «Кривая межа». Основание — статья закона об архивном деле, номер, часть, пункт. Печать круглая, оттиск чистый. Подпись нотариуса и ниже — дата.

Почерк был тот самый. Каждая буква стояла отдельно, высота строчных одинаковая, нажим ровный по всему листу. Тушь лежала так, будто текст не писали, а чертили по линейке. Никита провёл пальцем по краю бумаги: бумага была сухая, тушь не пахла ничем. В конторе Ровного вообще ничем

не пахло, и бумаги оттуда тоже.

Отказать было нельзя. Он перечитал основание дважды, потом ещё раз проверил формулировку по своему экземпляру закона. Запрос был составлен безупречно: нотариус имел право на копию, архив был обязан её выдать в срок, отказ без законных оснований давал контора возможность подать жалобу и потребовать проверки. Проверка означала комиссию, комиссия означала, что в архив придут люди с вопросами о том, кто здесь работает и где живёт. Никита жил в дежурной комнате за читальным залом. Кровать, стол, электроплитка и шкаф, в который помещались две рубашки и пальто. В свою квартиру на улице в центре города он войти не мог с начала ноября и в ближайшее время не собирался это обсуждать ни с кем.

Он открыл блокнот и записал: «19:05 — архив, читальный зал. Запрос от конторы Ровного, копия межевой книги 1911, Староборье. Выполнять».

Блокнот был обычный, в клетку, с твёрдой обложкой. Такие Никита покупал раньше пачками для служебных записей и вёл их кое-как. Теперь он писал каждый час: время, место, что делает. Утром садился с кружкой чая и сверял записи, строку за строкой, как сверяют расписание поездов. Там, где в записях оказывалась пустота, он ставил на полях вопросительный знак. Пока вопросительных знаков не было.

Пять воспоминаний, которые он отдал в Черничках, блокнот не восполнял, и он этого от него не требовал. Лицо мате-

ри, имя напарника, дорога на работу, лицо мальчика, причина, по которой когда-то пошёл в следователи, — на их месте осталась пустота, и он научился обходить её так, как обходят яму на знакомой дороге: не заглядывая, но помня, где она. Некоторые утра были тяжелее других. Сегодняшнее ничем не отличалось.

Межевая книга лежала в хранилище на нижнем этаже, в третьем стеллаже, в картонной папке с завязками. Он спустился по лестнице, держа блокнот под мышкой, нашёл папку и вернулся с ней наверх. Папку положил на стол под лампу, развязал тесёмки и стал листать.

Книга была составлена землемером, фамилия которого читалась с трудом: Бржозовский или Бржезовский. Чернила выцвели до коричневого, цифры стояли в столбцах, ровные ряды румбов и вёрст. Староборье значилось как лесная дача при хозяйстве, границы описывались по приметным деревьям и камням: от дуба с зарубкой до валуна, от валуна вдоль ручья. План участка шёл отдельным листом, вклеенным в книгу. На нём границы лежали ломаной линией, и в одном месте, в северо-восточном углу, линия делала петлю и уходила в сторону, а рядом землемер аккуратно надписал: «Кривая межа».

Никита сел и некоторое время просто смотрел на эту петлю. Хозяйство № 17 он знал только по бумагам из дела Крупени: двадцать семь строк, три из которых теперь были его собственными. Староборье в этом хозяйстве числилось как

«вспомогательная земля». Он принял долг по всему хозяйству целиком, без выбора и без возможности выбрать, и теперь лес, о котором он знал меньше, чем о любом другом месте в области, был записан на него.

Он включил копировальный аппарат в соседней комнате, дождался, пока он прогреется, и стал снимать страницу за страницей. Аппарат гудел и пах горячей пылью. Листы выходили тёплыми, с серым отпечатком. Он складывал их стопкой, проверял каждую на чёткость, а плохие переснимал. Страницу с планом снял дважды: первую копию, заверенную, отложил для конторы, вторую, без заверения, убрал в карман пиджака, сложив вчетверо.

Зачем он это сделал, он сам мог объяснить только отчасти. Привычка бывшего следователя: если документ нужен чужим людям, надо знать, что в нём. Если он нужен Ровному, это надо знать вдвойне.

Он вернулся в зал, подшил копии в папку, поставил на титульном листе штамп архива, дату и подпись: Соколов Н. П., архивист. Бланк заверения заполнил от руки. Потом положил ручку, посмотрел на стопку и открыл блокнот, чтобы записать время.

Последняя запись выглядела так: «21:10 — копия готова». Он написал её, когда закончил с заверением. Он хорошо помнил, как писал, и почерк подтверждал, что писал он сам.

Он поднял глаза на настенные часы над дверью читального зала. Часы были старые, круглые, с чёрными стрелками,

их заводили раз в неделю по пятницам. Они показывали без десяти десять.

Никита посмотрел на запись, потом на часы, потом снова на запись. Сорок минут. Он провёл рукой по лицу и вспомнил, что последний раз заводил часы в прошлую пятницу, значит, до следующей оставались ещё сутки, и ход мог сбиться. Он подошёл к стене, послушал: часы тикали ровно. Достал телефон, сверил: на экране было то же самое время.

Он вернулся к столу. Отложил ручку и записал под последней строкой: «21:50 — читальный зал. Сверил часы, расхождение 40 мин. Вероятно, ход настенных». Поставил вопросительный знак на поле, подумал и зачеркнул его. Часы старые, их ход мог плыть. Он не стал записывать вторую причину, которая пришла на ум, потому что вторая причина была не из тех, которые записывают в блокнот в десять вечера в пустом здании.

В дверь постучали.

Стучали не в главную, а в боковую, ту, через которую входили сотрудники. Никита узнал стук: три удара, потом пауза, потом один. Он открыл.

Стася стояла на крыльце в куртке Устиньи, слишком большой для неё в плечах. Волосы мокрые от мороси, на ботинках налипла глина. Лицо серое от усталости, но взгляд прямой.

— Ты звонил? — спросил он.

— Не успела бы. Я на последнем автобусе. — Она прошла

мимо него в коридор и остановилась, оглядывая зал с лампой. — Ты опять один? В темноте?

— Экономия.

— Ага. — Она сняла куртку, повесила на спинку стула. — Никита, у нас в Черничках плохо.

Он сел напротив. Она не стала ходить вокруг.

— Три недели назад за околицей, у Староборья, поставили вагончики и привезли технику. Рубят. Сначала думали — санитарная рубка, так бывает. Потом оказалось, что делянка идёт по всему краю, к лесу сзади деревни. Лесничий Мельник говорит, что документы в порядке, он сам их смотрел. Всё оформлено, подписи, печати. Я не спорю.

— Что с людьми?

— Засыпают, — сказала Стася. — Не как после работы. Среди дня. Тётка Варвара села чистить картошку и заснула с ножом в руке. Проснулась на следующий день утром. Говорит, что только присела. Ещё у троих то же самое. Дед Левон ходит по двору, а потом вдруг оказывается у забора, и день уже другой.

Никита молчал. Он смотрел на её руки: пальцы с обломанными ногтями, красные от холода, лежали на столе спокойно, без нервного движения.

— Сколько таких случаев?

— Шесть, которые я знаю. Может, больше, не все скажут. — Она посмотрела на него прямо. — Я проверила порог дома. Он держится. Но порог деревни у меня не в руках, я по-

ка только свой дом чувствую. Здесь что-то другое. Бабушка говорила: Навь не убивает, она берёт своё. А здесь кто-то не заплатил.

— Входная плата за рубку, — сказал Никита.

— Что?

— Лес берёт плату, когда в него входят. Рубка — это вход, большой. Если плату не внесли, она не пропадает. Её кто-то должен.

Стася помолчала. Потом спросила:

— Ты знаешь, кто?

— Пока нет, — сказал он и посмотрел на стопку копий на столе. — Но, возможно, узнаю раньше, чем хотел бы.

Она проследила за его взглядом, взяла верхний лист и посмотрела на штамп. Прочитала название: «Межевая книга Староборья, 1911».

— Это откуда?

— Из конторы Ровного, запрос. Они хотят копию.

— Для чего?

— Не написали.

Стася повернулась к нему, и он увидел, что она считает что-то в уме.

— Сегодня четырнадцатый день, — сказала она тихо. — После похорон.

— Знаю.

— Ты обещал до сороковых.

— Я помню.

Она кивнула и больше ничего не сказала. Он достал блокнот, записал: «22:20 — Стася, Чернички, шесть случаев засыпания, рубка у Староборья. День 14». Она смотрела, как он пишет, и он не стал объяснять.

Потом она ушла наверх, в комнату для приезжих, где стояла раскладушка. Он остался в зале, взял из кармана карточку «Дело № 5», посмотрел на лицевую сторону, где стоял только номер, перевернул. Оборот был чистый, как и утром. Он положил карточку обратно.

Оставалось убрать копии. Он взял свою, неверифицированную, ту, что снимал для себя, развернул из четырёх сложений и положил на стол под лампу, чтобы разглядеть план.

Копия была как копия: серый тонер, расплывчатые края, петля границы в северо-восточном углу, подпись землемера. И рядом с петлёй, в поле, ниже слов «Кривая межа», стояла строка, которой не было ни на оригинале в книге, ни на заверенной копии. Он проверил обе.

Строка была написана тушью поверх серого тонера. Тушь лежала ровно, каждая буква отдельно, высота одинаковая, нажим без малейших колебаний. Она ещё не высохла до конца: когда он коснулся её пальцем, на подушечке остался тёмный след.

«Ввод в оборот — по закрытии дела № 31».

Никита смотрел на цифры. Тридцать один. Это число он знал. Знал не по памяти, а как знают порядковый номер дома, в котором когда-то жили.

Он взял ручку, открыл блокнот и записал: «22:55 — копия плана. На поле пометка тушью, на оригинале и заверенной копии её нет. Копию снимал сам, пометки при снятии не было. Дело № 31». Потом перечитал запись и добавил: «Откуда номер?»

Ответа на поле не появилось.

В одиннадцатом часу Стася спустилась обратно в зал. Куртка на ней уже была застёгнута, в руке лежал свёрток из полотенца.

— Не получается лежать, — сказала она. — Поедем сейчас. Ночью лес слышнее, а завтра на делянке будут люди.

Никита посмотрел на часы в телефоне. Двадцать три ноль-ноль. Возражать он не стал: вопрос о том, ехать или нет, был решён в тот момент, когда она сказала про шесть случаев. Он надел пальто, убрал в карман копию плана и карточку, проверил блокнот и ручку. Вызвал такси до Черничек. Диспетчер назвал сумму, которая заметно превышала обычную, Никита согласился.

В машине он записал: «23:30 — такси, едем в Чернички, Стася. Копия плана при мне». Стася сидела рядом и смотрела в окно на пустую трассу. Водитель молчал и вёл аккуратно: на асфальте начинался гололёд.

— Что в свёртке? — спросил Никита.

— Хлеб. Я пекла по её закваске, из последней муки, что осталась. — Стася не обернулась. — Лес берёт хлеб и слово. У нас так всегда входили: оставишь корку на пне, скажешь,

зачем пришёл. Он решает, пускать или нет.

— А если не платить?

— Тогда входишь как вор. Так и входят рубщики. Они ничего не оставили, ни хлеба, ни слова, и лес записал их как должников. А дальше сам видишь, кому это записали.

Он ничего не ответил. Записали на него. Он принял хозяйство № 17 целиком, и лес Староборье в этом хозяйстве числился как вспомогательная земля. Теперь вспомогательная земля требовала расчёта.

В Черничках они были в начале второго. Такси высадило их у дома Устиньи, водитель развернулся и уехал, не дожидаясь, пока они дойдут до калитки. Во дворе стояла старая бабушкина «Нива» под брезентом. Стася сдёрнула брезент, села за руль и с третьего раза завела мотор. Дорогу к делянке она знала по памяти: две улицы, потом грунтовка вдоль огородов, потом колея, пробитая лесовозами.

Колея кончалась у шлагбаума из жёрдочки. Дальше начиналась вырубка. Стася заглушила двигатель, и стало слышно, как остывает металл. Фар они не включали. Луны не было, но снег давал достаточно света, чтобы видеть: ровное белое поле, из которого торчали пни. Свежие, жёлтые на срезе, с налипшей корой. Рядом лежали сложенные штабеля хлыстов и стояла техника: харвестер, форвардер, два вагончика с погашенными окнами. Рубщики спали.

— Нам туда, — сказала Стася и показала на стену леса за делянкой.

Они шли вдоль волока минут десять. Мороз был крепкий, градусов пятнадцать, снег под ногами скрипел. Никита время от времени доставал телефон и сверял часы, чтобы не потерять счёт. Без двадцати два они подошли к кромке нетронутого леса. Здесь делянка кончалась: пни обрывались, и сразу за ними стояли высокие сосны, тёмные и плотные.

Стася остановилась, достала свёрток и развернула полотенце. Отломила от каравая корку, положила на пень, свежий, ещё в смоле. Сказала негромко, без выражения, как говорят то, что говорят в тысячный раз:

— Хозяин, пришли без топора. Плату принесли. Пусти.

Никита ждал, что что-то произойдёт. Ничего не происходило. Потом он понял, что произошло, только когда оглянулся на колею. Следы, которые они оставили, исчезли. Снег лежал ровно, без единой вмятины, будто по нему никто не ходил. Стасины следы тоже пропали. Остались только те, которые они только что делали на месте: у пня, на двух шагах вокруг, и тут же заплывали на глазах.

Тишина изменилась. Мороз на ветках прекратил потрескивать, и вместе с ним исчезли остальные звуки: скрип стволов, шорох снега, дальний лай собаки в деревне. Дышать стало слышно отчётливо.

— Он здесь, — сказала Стася шёпотом.

Никита достал копию плана, развернул её и посветил телефоном. Он хотел понять, где они стоят. По плану участок, к которому они вышли, был ограничен ручьём с северо-за-

пада и просекой с юго-востока. Ручья не было. Просека была, но проходила не там: она сместилась и теперь шла прямо через то место, где на бумаге значилась сплошная линия старого леса. Он сложил лист. План 1911 года больше не совпадал с лесом, или лес не совпадал с планом, и выяснять, что из этого верно, было нечем.

Хозяин заговорил, но не словами и не голосом. Скорее сам воздух передал смысл, так, как передают значение, когда читают чужую запись: коротко, без промежутков.

Входили без платы.

Никита не двигался. Стася стояла рядом, взгляд упёрт в сосны.

За них платишь ты.

— Я знаю, — сказал Никита вслух. Говорить в этой тишине оказалось трудно, и он слышал каждое слово отдельно. — Хозяйство записано на меня. Я пришёл узнать, сколько.

Лес не отвечал на вопрос о сумме. Он отвечал на другой.

Что дашь.

Стася рядом едва заметно качнулась и тут же выпрямилась. Она предупреждала его об этом в такси, шёпотом, когда водитель включил радио: он берёт то, что у тебя есть. Предложи час и не торгуйся. Больше часа не предлагай, он может принять больше, чем ты рассчитываешь.

— Час, — сказал Никита.

Лес принял. Он понял это не по звуку: по тому, что исчезло ощущение стороннего внимания, которое давило на

затылок с момента, когда они подошли. Давление ушло, и его сменило другое, ровное, как после долгого дня, когда садишься, наконец, и усталость приходит вся сразу.

Он посмотрел на телефон, чтобы запомнить время. Один час сорок две минуты. Потом моргнул.

На экране было два сорок два.

Ровно час. Он не чувствовал, как этот час прошёл. Не было ни сна, ни провала: он просто стоял перед сосной, смотрел на телефон, и цифры изменились. Хозяин взял то, что ему предложили, и взял чисто, не больше. Никита не мог бы с чистой совестью назвать это плохой сделкой. Лес назвал цену, лес эту цену получил.

— Всё? — спросила Стася.

— Час. Как договаривались.

— Тогда пошли. — Она развернулась и пошла обратно, и Никита видел, что идёт она быстро, почти не оглядываясь. Он пошёл следом. Идти нужно было мимо штабелей и техники, потом к шлагбауму и «Ниве». Он не стал останавливаться, чтобы записать время в блокнот. Запишет в машине, подумал он, там тепло.

Он помнил, как вышел за линию пней. Помнил, как увидел шлагбаум, жёрдочку на двух стойках, покрытую инеем. Помнил, что Стася была в трёх шагах впереди, что её куртка казалась слишком большой в плечах, что она ни разу не обернулась.

Дальше он не помнил ничего.

Глава 2

Он очнулся от света. Свет был серый, ровный, из окна, и в первую секунду Никита решил, что это рассвет. Потом увидел потолок. Потолок дежурной комнаты, с жёлтым пятном в углу, которое он разглядывал каждое утро почти две недели.

Он лежал на кровати, одетый: в пальто, в ботинках, на покрывале. Ботинки были мокрые, снизу подсохшая глина. Он сел. Спина болела так, как болит после долгой дороги, шея затекла. Рука лежала на груди, и пальцы были сжаты вокруг чего-то твёрдого. Блокнот.

Он достал телефон. Экран показывал восемь часов двенадцать минут. Над временем стояла дата. Суббота.

Никита смотрел на неё довольно долго. Потом открыл блокнот на последней записи. «23:30 — такси, едем в Черничи, Стася. Копия плана при мне». Ниже страница была чистой. Вчерашняя запись, как ему казалось. Четверг, поздний вечер. Значит, сейчас должна быть пятница, раннее утро. На деле пятница прошла, и в блокноте за неё не было ни слова.

Он проверил карманы. Копия плана лежала на месте, сложенная вчетверо. Телефон разряжен на треть. Бумажник, ключи от дежурной комнаты, ручка. Карточка.

Он достал её последней. Лицевая сторона, как всегда: «Дело № 5». Он перевернул.

На обороте, в верхней части, стояла одна строка. Тушью. Буквы отдельные, высота одинаковая, нажим ровный от начала до конца.

«Срок: до весны. Плата: время».

Он провёл пальцем по строке. Тушь была сухая.

Телефон зазвонил в руке, и он вздрогнул. На экране стояло: «Стася». Звонок шёл, судя по значку, уже не первый: в списке пропущенных выше висели ещё четыре.

— Где ты? — Голос у неё был хриплый, как у человека, который долго не спал.

— В архиве. В комнате.

— Давно?

— Не знаю. — Он помолчал. — Стася, сегодня суббота.

— Да. — Она сказала это без удивления. — Ты не садился в машину, Никита. Ты вышел из леса, дошёл до шлагбаума и не остановился. Прошёл мимо «Нивы» и свернул на дорогу к трассе. Я шла за тобой и звала. Ты не оборачивался. У поворота ты пропал. Я искала тебя всю пятницу.

Автобус до Черничек по субботам ходил один раз, в десять сорок. Никита сел на заднее сиденье и записал в блокноте: «10:40 — автобус Брест — Чернички. Суббота». Слово «суббота» он подчеркнул. Раньше такие вещи он не подчёркивал.

Дорогу он видел впервые за двое суток, которые для него были одними. Серое небо, поля с остатками снега в бороздах, голые посадки вдоль трассы. На остановке у поворота на

Чернички он вышел один. Дальше шёл пешком, минут двадцать, мимо огородов. Дым над крышами шёл из половины труб. Над домом Устиньи дыма не было.

Стася открыла дверь сразу, как будто стояла за ней. Куртка на ней была та же, что в четверг, на рукавах подсохшая глина. Глаза красные. Она посмотрела ему в лицо, потом на ботинки и ничего не сказала. Отступила в сторону.

Он перешагнул порог и почувствовал то, что чувствовал здесь каждый раз после Ольшан: небольшое сопротивление, как у двери на тугой пружине, и сразу за ним ровное тепло, которого в доме не было. Порог его пропускал.

В кухне было холодно. Печь стояла нетопленая, на плите кастрюля с вчерашней водой. Стол чистый, на нём только хлебница без крышки, в хлебнице ничего. На подоконнике лежали пучки трав: зверобой, душица, пижма. Их Устинья заготовила летом, они сухие и осыпались на клеёнку мелкой крошкой. Стася их не трогала.

— Печь не топила? — спросил Никита.

— Не было времени. Я вернулась в полночь, легла на два часа, потом позвонила тебе. — Она взяла из угла охапку дров. — Садись. Я растоплю, пока мы будем работать.

Он сел за стол, достал блокнот и положил рядом телефон. Стася присела у печи, открыла заслонку, сложила щепу и бересту. Спички у неё были из бабушкиного запаса, в картонной коробке с выцветшей этикеткой. Береста занялась со второй.

— Сначала ты, — сказала она, не оборачиваясь. — Что у тебя на руках. Как следователь.

Никита перелистал блокнот назад. Последняя запись четверга: «23:30 — такси, едем в Чернички». Дальше пустота до субботы. Утренняя запись, сделанная в дежурной комнате: «08:12 — комната. Суббота». Между ними чистые страницы, ни одной строки.

— За пятницу в блокноте ничего нет, — сказал он. — Это первое. Больше двух недель писал каждый час, а тут тридцать два часа подряд — ни одной записи.

— Что это значит?

— Это значит, что тот, кто ходил в пятницу, не пользовался блокнотом. Либо не знал, что он есть. Либо знал и не стал.

Он вытряхнул на стол содержимое карманов. Бумажник, ключи от дежурной комнаты, ручка, сложенная вчетверо копия плана. Телефон. В пальто нашёл ещё кассовый чек, смятый, глубоко в левом кармане. Расправил. «Магазин, Брест. Пятница, 09:21. Батон нарезной — 1. Кофе в стакане — 1». Сдача не указана.

— Я это не покупал, — сказал он. — То есть покупал. Но не помню.

Стася подошла и прочитала чек через его плечо.

— Девять двадцать одна. — Она встала у стола и сняла с полки над умывальником бабушкину книгу. — Теперь порог.

Книга лежала в клеёнке, перевязанная шнурком. Стася

положила её на стол, развернула и открыла не на закладке, а на чистом развороте. Никита отметил, что руки у неё не дрожат.

— Порог дома помнит всех, кто через него проходил, — сказала она. — Тебя он записал гостем, ещё в тот раз, когда ты обещал быть рядом. Гость идёт по порогам, как по следу. Бабушка говорила: не по дорогам, а по порогам. Любая дверь, любая калитка, любой вход. Я могу прочитать, где ты переступал.

— Читай.

Она положила ладонь на разворот и закрыла глаза. Он ждал. На печи затрещала береста, в трубе потянуло. Стася сказала глухо, как диктуют протокол:

— Край леса, выход. Два часа пятьдесят три минуты. Дальше нет двери. Поле. — Пауза. — Калитка у крайнего дома, у Лисовских. Три сорок. Ты открыл и закрыл. Потом ворота на трассе, там стоят шлагбаумы у тока. Четыре пятнадцать. Потом остановка, навес. Пять двадцать. Ты сидел там, потому что порог навеса не закрывался до шести. Потом дверь машины. Шесть десять. Грузовик, кабина. Закрылась в Бресте, в семь тридцать.

Никита записывал. Почерк у него был ровный, без нажима.

— Дальше?

— Магазин. Девять двадцать одна, вход и выход. Чек у тебя. Потом ничего. — Она открыла глаза и посмотрела на

него. — Потом входов нет. До двенадцати десяти ты не переступал ни одной двери. Потом одна дверь, трамвай. Потом снова пусто. Ты где-то ходил или сидел, но не входил никуда. До семнадцати тридцати. Потом кафе, там ты пробыл полчаса. Потом ничего, пока ты не вошёл в архив. Двадцать один сорок семь.

Он дописал, отложил ручку и некоторое время смотрел на цифры.

— Значит, я пришёл в архив вечером в пятницу, — сказал он. — Лёг в одежде и проснулся в субботу в восемь. А между выходом из леса и архивом девятнадцать часов, из которых помню ноль.

— Ты всё это делал сам, — сказала Стася. — Ты никого не вёл и тебя никто не вёл. Порог бы показал.

— Что я делал между двенадцатью и половиной шестого?

— Не знаю. Порог показывает только двери.

Печь разгоралась. Стася закрыла заслонку, оставила поддувало и вернулась к книге. Развернула её дальше, на страницы, исписанные с двух сторон. Никита видел их раньше: бабушкины записи, мелкие, торопливые, перемежались с другими, ровными, которые никто здесь не писал.

— Это реестр, — сказала Стася. — Его копия. Книга показывает то, что касается порога и дома. Я учусь читать её быстрее.

Она листала страницу за страницей, пока не остановилась. Провела пальцем по строкам.

— Вот. Староборье, хозяйство семнадцать. Вход без платы, с четырнадцатого. Прежний должник: Лисовская В., время, одни сутки. Перенесено. Вот Левон, тоже перенесено. — Она подняла голову. — Те шестеро, которые засыпали. Все строки зачёркнуты, аккуратно, одной линией. И рядом новая запись, на всех сразу.

— Прочитай.

— «Время. Хозяйство семнадцать, вход без платы, Староборье. Одни сутки. Должник: Соколов Н. П. Основание: принятие долга по записи тридцать один».

Никита молчал. Он знал, что так будет, и всё же слышать это вслух было другим делом.

— С четверга никто не засыпал, — сказала Стася. — Я спросила тётку Варвару утром. Она в пятницу целый день на ногах была, чистила, стирала. Деду Левону тоже ничего.

— Значит, перенос состоялся в ночь на пятницу.

— Да. — Она посмотрела на него прямо. — Они расплатились за вход тобой.

— Хозяйство моё, — сказал Никита. — Я его принял. Бумага правильная.

Стася сжала губы, но промолчала.

В этот момент в кухне что-то изменилось. Он не сразу понял что. Запах: холодная зола, как в печи, где давно не жгли, хотя печь горела. Скрипнула половица у порога, потом ещё одна. Дверца шкафчика под умывальником приоткрылась на ширину ладони и осталась так.

Стася не вздрогнула. Она закрыла книгу и сказала в пустое место:

— Корнеич.

Ответа не было. Но Никита услышал голос, низкий, без выражения, как будто тот, кто говорил, давно привык не тратить слов. Голос шёл из угла между печью и дверью, оттуда, где стояла лавка.

— Лес берёт открыто.

Они ждали. Корнеич добавил, помолчав:

— Здесь берёт тот, кому лес не заплатил.

Никита записал слова дословно. Руку держал спокойно.

— Вы знаете кто? — спросил он.

Тишина. Заслонка на печи звякнула. Дверца шкафчика закрылась сама, мягко, без стука. Запах золы ушёл, остался дым от дров.

Стася выдохнула и откинулась на спинку стула.

— Он всегда так. Скажет и уходит.

— Он сказал достаточно, — ответил Никита. — Лес назвал цену и получил её: час, по договору. Всё остальное взял не лес. Кому лес не заплатили, тот и берёт. Должники внесли за вход бумагу вместо платы, а плату переложили на меня. Каждая новая делянка — новая запись.

— То есть это будет повторяться.

— Каждый раз, когда они расширят рубку. Или когда придёт срок по записи. — Он перелистал блокнот назад. — Я не могу знать когда. Это не мой выбор.

Стася снова открыла книгу и стала листать дальше, к последним страницам. Он видел, как она ведёт пальцем по строке, следит за поворотами письма. Она читала быстрее, чем в прошлый раз.

Потом остановилась.

— Никита.

Он подошёл и встал рядом. На последней странице реестра, в самом низу, стояла запись, которая ещё не была закончена. Тушь лежала ровно, каждая буква отдельно, высота одинаковая. Запрос из конторы был написан тем же почерком. Строка обрывалась на слове «срок».

Под ней, где должна была стоять подпись исполнителя, уже была подпись. Тушью, чертёжной, без наклона.

«П. Гаевский».

Глава 3

Лесничество стояло на повороте к лесу, в трёх километрах от Черничек. Кирпичный дом с жестяной крышей, во дворе УАЗ с залепленными грязью номерами и поленница под навесом. Стася высадила Никиту у ворот в четверть третьего и сразу уехала: книга осталась на кухне раскрытой, и она не хотела оставлять её надолго. Договорились, что он вернётся до темноты или позвонит.

Никита записал в блокноте: «14:20 — лесничество, Черничики. Суббота». Слово «суббота» он по-прежнему подчёркивал.

Мельник оказался в конторе. Антон Борисович, лет пятидесяти пяти, широкий, с красным обветренным лицом и тяжёлыми руками, которые он держал на столе, как инструмент, положенный на верстак. В комнате топилась печка. Пахло табаком и мокрой одеждой. Увидев посетителя, он не встал и не предложил сесть.

— Из архива? — Он кивнул на удостоверение, которое Никита положил на стол. — Соколов Н. П. А по какому делу архиву лес?

— Мне нужно посмотреть документы на рубку у Староборья. Не как проверяющему. Как человеку, у которого в этом лесу есть интерес.

— Какой интерес?

— Хозяйство семнадцать, — сказал Никита. — Оно на мне.

Мельник помолчал. Потом достал из ящика стола пачку «Примы», закурил и выдохнул дым в сторону печки.

— Устинью знаю, — сказал он. — Двадцать лет знал. К ней ходил, когда жена болела. Внучка её у вас?

— Внучка при доме. Я рядом.

— Понятно. — Он встал, открыл несгораемый шкаф в углу и достал синюю папку на завязках. — Читайте. Здесь, не выносить.

Никита сел и стал читать. Документов было шесть: лесорубочный билет, акт отвода делянки, договор подряда, схема с координатами, нотариальное согласие правообладателя хозяйства на рубку и протокол приёмки. Каждый лист был подшит по порядку, пронумерован, прошит. Печати стояли чётко. Подписи были там, где должны были быть, даты шли без разрывов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.